

УДК 008+130.2

В. В. Муравьев

**Идея интеграции религии, философии и науки
в творчестве К. Ф. Жакова**

Соотношение религии, философии и науки — одна из центральных проблем гуманитарного знания. Размышляя о ней, К. Ф. Жаков развивал идею единства указанных подсистем духовной культуры. Попытаемся выявить содержание его концепции интеграции религии, философии и науки, определить, в чем видел коми философ основания их единства.

Ключевые слова: *К. Ф. Жаков, религия, философия, наука.*

V. V. Muravyev. The idea of integration of religion, philosophy and science in the doctrine of K. Zhakov.

The interaction of religion, philosophy and science — one of the central problems of humanitarian knowledge. Thinking about it K. Zhakov developed the idea of the unity of these subsystems of spiritual culture. Let us try to reveal the content of his concept of the integration of religion, philosophy and science, to determine what was seen by Komi philosopher as a foundation of their unity.

Keywords: *K. Zhakov, religion, philosophy, science.*

Минуло 150 лет со дня рождения коми философа Каллистрата Фалалеевича Жакова. Его учение — оригинальная, во многом необычная система взглядов. Перефразируя известное высказывание Гегеля, можно сказать, что в этих взглядах дух сводится к мечтательности и полету фантазии, к безличному разложению, и предметы расплываются для него в нереальные образы и в нечто беспредельное. Идеализм воображения, склонность подменять реальные процессы умопостигаемыми получили выражение в содержании трудов нашего земляка, где объективные и субъективные моменты не разделены, природные факторы предстают как проявления невидимых сил, а психические качества выступают атрибутами физического ми-

ра. Это обусловлено влиянием фундаментальной идеи, концепта мировоззрения Жакова — принципа мирового единства.

Как китайский Конфуций, Жаков был одиннадцатым ребенком в семье. Как и «Лунь юй», его философское сочинение «Лимитизм» главным образом составлено из записей учеников. Проходящие в наши дни обсуждения идейного наследия коми мыслителя имеют мемориальный характер. Мы стремимся воздать должное его памяти. К тому же эти обсуждения преследуют когнитивные цели — понять концепты, основные принципы его учения. В-третьих, исследователи пытаются определить место учения Жакова в философском знании, поскольку лимитизм сегодня — страница в истории философии. И наконец, в-четвертых, мы обдумываем вопрос о современной значимости концептов лимитизма, возможности их использования в решении актуальных практических и теоретических проблем.

Сам Каллистрат Жаков мечтал, что его праксиологические принципы получат воплощение, отмечая: «Лимитизм не только теория, но и указание путей жизни» [4, с. 166]. Современное ему состояние общества он оценивал пессимистически. Не случайно один из разделов его сочинений именуется «Пустыня жизни земной». Северный мудрец развивал соображения, сходные с идеями А. Шопенгауэра, находившего странным, что некоторые опасаются попасть в ад после смерти, тогда как на самом деле их жизнь и есть ад. Жаков писал: «Быть может — наша жизнь земная «Ад крошечный», где очищаемся мы от былых преступлений и потому в страданиях должны смывать преступления и грехи свои» [4, с. 192].

Отмечая глубокие познания коми мыслителя в науке, философии, истории религий, мы вместе с тем обнаруживаем, что принципы своей системы он открывал благодаря мощи интуиции, внерациональных средств познания. Выдвигая те или иные идеи в виде результатов озарения, Жаков старался обосновать их истинность, как правило, индуктивно, пользуясь примерами из разных областей. Он сам отмечал приоритетный характер индуктивных умозаключений: «Дедуктивным путем бытие недоказуемо. Оно может быть доказано только индуктивно» [4, с. 207]. Таким способом Жаков старался подобрать факты, подтверждавшие, иллюстрировавшие его утверждения. Второй часто используемый в лимитизме прием доказательства — аналогия. Как Иисус Христос, коми мыслитель учил притча-

ми, наглядно обнаруживавшими скрытые сущности. Он писал, что «Первопотенциальное» не дано субъекту непосредственно, известны только его проявления [4, с. 169].

Принимая во внимание необычность, уникальные признаки учения Жакова, мы все же могли бы попытаться соотнести его содержание с принятыми в гуманитарном знании классификациями. Прежде всего, лимитизм — именно философская система, а не миф, религия, политическая идеология или сциентистское построение. В своих воспоминаниях Коми мыслитель упоминал, что некоторые известные петербургские философы объявляли его мировоззрение наивным, нефилософским или относили его представления к мифологическим. Совершенно очевидно, что сочинения Жакова это не обыденные умствования, его размышления основаны на достижениях духовной культуры в философской, научной и религиозной сферах. Мировоззренческие идеи северного мудреца составляют систему, и это система утверждений о сущностях, определяющих признаках мира и человека.

Подобно Фридриху Ницше, вкладывавшему свои мысли в речения Заратустры, Жаков нередко излагал суждения в виде сказаний героя Гараморта. Однако в отличие от мифологических историй, построенных на идее нормативности, лимитизм основан на принципе всеобщности причинных связей.

Соотношение религии, философии и науки — одна из центральных проблем гуманитарного знания. Размышляя о ней, К. Ф. Жаков развивал концепцию единства указанных подсистем духовной культуры. Эта идея была одним из принципов лимитизма. В эпоху древних цивилизаций религиозные комплексы, философские системы, протонаучные исследования были единым духовным образованием. В античном мире сложилась независимая от религии светская философия. В Новое время произошло разделение философии и естественных наук. Что имел в виду Жаков, рассуждая о возврате к утраченному синкретизму? Попытаемся выявить содержание его концепции единства религии, философии и науки, определить, в чем видел Коми философ основания их интеграции.

Период становления лимитизма был временем существования философии, религии и сциентизма как особенных, в чем-то противоречивших друг другу форм мировоззрения. Религия и философия

различались по способу обоснования принципов, лежавших в основе суждений о мире и месте в нем человека. Религиозные идеологии, богословие строились согласно аксиоматическому методу. При этом аксиома реального существования священных сил не подвергалась сомнению, должна была быть принятой на веру. Священное фундаментально, невидимо, изначально, оно понималось как первая причина, абсолютная ценность и высшая власть. Ведущим направлением мировоззренческих размышлений в России времен К. Ф. Жакова была теология — учение о богах (греч. *theos* — боги, *logos* — слово). Ею занимались образованные последователи тех или иных религий с целью интерпретации священных текстов, разрешения вновь возникавших вопросов, утверждения приоритетов и оправдания определенной религиозной картины мира в спорах с иноверцами.

Аксиомы веры — очевидные истины, не требовавшие доказательств. Из них выводились положения, применявшиеся соответственно имевшимся проблемам. Базовые идеи письменных религий содержались в священных текстах, переданных людям богами. Совершенные боги не способны совершать несовершенные поступки, обманывать читателей священных писаний. Поэтому изложенные в них религиозные идеи не могли быть ложными.

Принципы философии относились к знанию, их выдвижение предполагало указание достаточных оснований истинности, рациональных аргументов и умозаключений. Философское мировоззрение было доказательным, основывалось на результатах исторического развития культуры, было призвано системно представлять мир на уровне сущностей.

Философия — порождение религии. Самостоятельная светская философия возникла в Древней Греции в 6—5 вв. до н. э. В древних цивилизациях Месопотамии, Египта, Персии, Индии, Китая философия осталась в рамках религии. Средневековая философия развивалась в рамках христианской, мусульманской, иудейской религий, индуизма и буддизма, хотя христианские и мусульманские богословы использовали идеи, методы и термины античной философии, особенно Платона, Аристотеля и Сенеки. Особое значение в этот период имела логика. Изучение форм и законов мышления, способов построения доказательств и опровержений было компонентом богословского образования. Ранние христианские богословы открыто пре-

небрегали логикой. Тертуллиан утверждал, что воскресение Сына Божия несомненно, так как оно было невозможным. Средневековый теолог Фома Аквинский искал пути установления гармонии веры и разума, считал, что существуют доказательства существования Бога, такие же убедительные, как доказательства теорем в геометрии.

Самостоятельная светская философия возродилась в Новое время. Все же проблема существования священной субстанции привлекала внимание великих мыслителей этого периода. Теологию и философию объединяло присутствие аксиологических компонентов, они включали в себя оценку значимости содержания воззрений, определение ценностей человеческого существования и путей их достижения. Поскольку содержание религиозных и философских учений соотносилось с интересами тех или иных социальных групп, они отчасти оказывались за рамками строго научных подходов. Их спецификой являлось отсутствие прямого подтверждения эмпирическими данными.

Философия религии продолжала оставаться особой сферой философского знания. Д. Юм в явном виде представил и сегодня принимаемую многими позицию религиозного агностицизма: ограниченность нашего разума не позволяет определенно решить вопрос о реальном существовании богов. Критика чистого разума привела И. Канта к концепции фидеизма: исследуя мировоззренческие проблемы, разум впадает в неразрешимые противоречия. Одинаково убедительно можно доказать, что душа вечна или смертна, Бог есть или его нет. Поэтому в решении этих фундаментальных проблем разум должен уступить место вере.

«Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека», — такими словами Жан-Жак Руссо начал свой знаменитый трактат о воспитании [7, с. 24]. Идея деизма заключалась в том, что Бог создал мир, но в его последующее развитие не вмешивается. Следствием такого подхода было учение о естественной религии. Частные религии будут заменены универсальной — признающей Бога Творцом. Все разнообразные религии хороши, если люди в них надлежащим образом служат Богу, считал Руссо.

Мыслители Нового времени развивали идеи веротерпимости, религиозной толерантности. Дж. Локк сформулировал принцип свободы совести, вошедший в конституции светских государств. Религиозные убеждения были объявлены частным делом граждан:

соблюдал ли некто пятницу с последователем ислама, субботу с иудеем, воскресенье с христианином, во всех этих поступках не было ничего, что могло сделать его худшим подданным.

В трудах французских просветителей XVIII в. были выражены принципы атеистической философии, отрицавшей реальное существование сверхъестественных начал мира. Д. Дидро писал: «Религия Иисуса Христа, возвещенная невеждами, создала первых христиан. Та же религия, проповедуемая учеными и профессорами, создает ныне только неверующих» [3, с. 269].

На рубеже XVI—XVII вв. единое теоретическое знание разделилось на два направления — собственно философию и науку. Наука стала особым видом познавательной деятельности, направленной на получение систематического, упорядоченного, обоснованного, объективно-истинного знания о сущности предмета изучения. Критериями научности считались объективность, беспристрастность исследования, доказательность, проверяемость результатов познавательной деятельности, системность знаний и познание сущности исследуемых объектов.

Критическое отношение к религиозным учениям как неверифицируемым пережиткам пройденной стадии развития общественного сознания сложилось в позитивистской философии. О. Конт выявил три стадии исторического развития духовной культуры: теологическую, метафизическую и позитивную. В эпоху позитивного мышления критерием истинности любого утверждения стала верификация, проверяемость опытным путем. Поскольку религиозные догматы не подтверждаются данными эмпирического познания, это досадные заблуждения. Позитивисты воспринимали религию как подлежащее устранению препятствие на пути политического, научного и нравственного прогресса общества. Б. Рассел писал: «Возможно, что человечество уже стоит на пороге золотого века; но если это так, то сначала необходимо убить дракона, охраняющего вход, дракон этот — религия» [6, с. 131].

В марксистской философии основное внимание было уделено изучению причин формирования религиозных идеологий. Главный фактор их существования — неспособность значительных масс населения справиться с разрушительным действием природных сил и социальных групп, присваивавших результаты чужих усилий.

В философии прагматизма отношение к религиозности как атавистическому пережитку прошедшей стадии развития человеческого сознания было признано ошибкой. У. Джеймс исследовал религиозность как определенный вид отношения к миру в форме эмоциональной уверенности в существовании высших сил. Этому религиозному переживанию подчинены рациональные и волевые элементы сознания. Для религиозного опыта и практических потребностей религии достаточно веры в то, что существует некая высшая сила. Эта сила отлична от сознательного «я», превосходит его. Если религиозные идеи имеют ценность для действительной жизни человека, то с точки зрения практической они истинны в меру своей пригодности. Одним индивидам выгоден научный опыт, другим полезен религиозный. Когда человек поступает согласно своим убеждениям, никто не сможет ему доказать, что он ошибается.

Религия не есть пережиток прошлого. Разные типы мировоззрения сосуществуют в одну и ту же историческую эпоху. В каждый момент человек выбирает наиболее удовлетворяющий его род отношения к миру, забывая или отстраняя от себя другие возможные отношения. Прагматизм сохранял право на веру в эпоху развития науки. Если сверхъестественный мир и возможность внутреннего единения с божеством реально существуют, то надо установить не просто допущение религиозности, а необходимость её.

В 1927 году была опубликована работа З. Фрейда «Будущее одной иллюзии». Ее название недвусмысленно раскрывало отношение основоположника психоанализа к религиозным учениям: «они все — иллюзии, доказательств им нет, никого нельзя заставить считать их истинными, верить в них» [8, с. 120]. Религиозность — инфантильный реликт, закрепленный в аффективной зависимости, который приводит к ограниченности мышления. Как полагал Фрейд, люди в будущем станут относиться к вере в сверхъестественное так, как взрослые к собственной наивной детской вере в Санта Клауса. Он и считал религию общечеловеческим аналогом детского навязчивого невроза, пережитком первобытной тотемной эпохи, когда культура наделяла священностью нормы взаимодействия, охранявшие социум от разрушительной мощи бессознательных влечений. Хотя сам Фрейд считал себя злейшим врагом религии, он оставлял за каждым право на самостоятельное решение, личный выбор быть религиоз-

ным или не быть. Религиозный невроз был неадекватным действительности восприятием человеком своей природы, но отказ от него мог приводить к более серьезному расстройству психики.

Как и Фрейд, швейцарский психолог Карл Густав Юнг считал, что сам факт существования религиозности заложен в бессознательной сфере душевной жизни. Бессознательное проявляется в религиозных архетипических символах, которые трансперсональны по своей сути, межличностны, коллективны. В отличие от Фрейда, Юнг считал, что конфликт между наукой и религией есть превратное понимание обеих. Как ни называть принцип бытия: богом, материей, энергией, от этого ничего нового не возникает, меняется только символ, обозначающий субстанцию Вселенной. Темную энергию, туманность Андромеды, Солнце, земное ядро, неведомые космические силы, способные в один миг уничтожить планету и даже нашу галактику, называли материей, дао, брахманом, богом. Сложившееся в течение многих человеческих поколений бессознательное постижение присутствия этих сил породило психическую врожденную установку к взаимодействию со священным [1, с. 31, 33].

Феноменология религии заняла промежуточное положение между сциентизмом и теологией, исходя из признания существования объекта религиозного поклонения — «священного», иного по сравнению с реальными объектами, с которыми человек имеет дело. «Священное» — особая реальность, отличная от естественной. Оно не похоже ни на человеческое, ни на космическое. Священное — это то, что противостоит мирскому. Священное выходит за пределы обычного опыта, его можно выразить только иносказательно, так как язык относится к мирской реальности. Священное, говоря словами И. Канта, есть «вещь в себе», оно — непознаваемая сущность. Священные силы открываются субъекту через явления — иерофании. В их постижении субъект использует метафоры. Верования, ритуалы и институты — не сама религия, а ее внешняя оболочка. Религия же в основе своей должна быть понята как источник всего человеческого существования, как «союз человека с Богом», недоступный сциентистскому познанию.

Религию не надо объяснять, ее надо описывать. Религия — встреча человека со священным. Следует изучать ее так, как она дана сознанию, не выходя за его рамки. Не надо спрашивать, соответству-

ют ли религиозные идеи действительности. Все, что существует вне религиозного сознания, надо «выключить, взять в скобки». В этом состоит содержание предложенного Э. Гуссерлем принципа феноменологической редукции. Таким образом, феноменология религии позволяет связать научные понятия с повседневностью. Научное познание, религия, художественное творчество, сны — различные одинаково значимые сферы опыта.

Религиоведы, работающие в рамках феноменологической парадигмы, отказываются от поиска факторов формирования религиозных комплексов, за пределами самой религиозной сферы. Их цель — беспристрастные описания, классификации и сравнения явлений религиозного сознания, культа, типов религиозных общностей [10, с. 92—94].

Э. Фромм считал, что любая система взглядов и действий, которая обеспечивает индивидов системой ориентации и объектом преданности, является религией: «...под религией я понимаю любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения» [9, с. 158]. Поэтому между религией и философией нет принципиальной разницы. Собственно религии, философские системы, светские идеологии служат фундаментальной потребности: связать индивида со Вселенной, с самим собой и окружающими. Важный вопрос не в том, религия это или нет, а в том, какой это вид религии — та, что вносит вклад в реализацию человеческих потенциальных возможностей или та, что подавляет их. Э. Фромм, В. Франкл, А. Маслоу предсказывали замену современных авторитарных религий гуманистическими, ведущими каждого по пути личного совершенствования.

Сциентистская интерпретация форм постижения мира человеком представляла науку как высшую форму познания, образец для других способов духовного освоения действительности. Научное знание — единственно истинное, достижения науки должны определять общественный прогресс. При этом наука отождествлялась с естественно-математическим и техническим знанием, признавалось, что социальные науки имеют ограниченное познавательное значение. Позитивные, сциентистские системы мировоззрения и ориентировались на научные требования объективности, беспристрастности, исключения влияния интересов субъекта. Подлинно

научное мировоззрение следовало основывать на данных естествознания и исключить ценностные элементы.

Современники К. Ф. Жакова относили лимитизм к позитивным, сциентистским системам, поскольку в его содержание непосредственно включались утверждения из области естественных наук и математики, многочисленные формулы, таблицы и вычисления. Вместе с тем важными составляющими текстов коми философа являются ценностные высказывания. Лимитизм — не только беспристрастное знание, но и оценка природной и социальной реальности с позиций родовых признаков и интересов человека. Аксиология занимала важное место в учении Жакова. Вспомним его практический призыв: «Все добрые, соединяйтесь для спасения земли» [4, с. 169].

От религиозной идеологии мировоззрение коми философа отличается способом обоснования выдвигаемых утверждений, они доказываются. На его рассуждения о Боге — Первопричине — распространяется действие логического закона достаточного основания. Утверждая существование Бога, К. Жаков использовал мотивы морального доказательства его бытия, рассуждая как китайский мудрец Чжуан-цзы: «Отрицать Бога я не хотел. Я видел — это утешение последнее для многих. Зачем же буду отнимать я последнее утешение земли, не дав никому никакой радости. Так думал я. Отрицать бессмертие души? Тогда что же останется нам?» [4, с. 27]. Мыслитель понимал, что религии не устраняют зло и несправедливость, они снижают остроту переживаний их восприятия. Как и в сегодняшней России, во времена Жакова безвинные страдания многих и осознание их неоправданности имели массовое распространение. В таких социальных ситуациях компенсаторная функция религиозных комплексов существенна для психического здоровья населения, хотя способность религии примирить людей с обстоятельствами их жизни и друг с другом имеет свои пределы.

Приведенные соображения показывают, что лимитизм — философское мировоззрение, теоретический синтез наиболее общих взглядов на сущность природы, общества, познания, человека, включавший в себя оценку содержания этих взглядов, определение ценностей человеческого существования и путей их достижения.

Следующее положение состоит в том, что лимитизм — монистическая философия. Его создатель исходил из мысли о существова-

нии различных субординированных видов бытия, особых форм существования материальных предметов, общественных взаимодействий, юридических законов, религиозных, философских, научных идей. Для всех этих видов есть субстанция, определяющий по отношению к остальным модус существования. В лимитизме он именуется «Первозможный». Религия, философия, наука — проявления Первозможного, его описания средствами разных языков.

Размышляя об этом, мы можем определить место лимитизма в многообразии монистических систем. Представляется, что система Жакова не принадлежит к какой-либо из форм идеализма. Также нет оснований считать ее материалистической. Думается, онтологию лимитизма можно рассматривать как вариант философии всеединства. В этой форме монизма вопрос о том, что первично в отношениях объективной и субъективной реальности, рассматривается как ошибочный, не имеющий основания. Идеальное, психика, так же как материя, понимаются в философии всеединства как атрибуты, необходимые признаки, проявления единой субстанции. Жаков писал: «Из Первозможного происходят потенциалы космические: чистая любовь, инициатива, разум космический, мировая душа, первоматерия, вечность, бесконечность, а из потенциалов происходят реалы: нравственный, эстетический, разумный, душевный, материальное, временное и пространственное» [4, с. 190]. Принципиально такой же подход к проблеме первоначала присутствует в даосизме: порождаемое *дао* первовещество *ци*, пребывая в различных состояниях, составляет классы вещей. Предельно сгущаясь, *ци* становится материальными вещами, будучи предельно разряженным, оно есть мысль.

Определив место лимитизма в истории философии, мы обнаруживаем родственные ему философские и религиозно-философские концепции. В восточной мудрости это зороастризм, даосизм, брахманизм и раннее христианство. В античной философии — неоплатонизм. Наиболее близким лимитизму течением западноевропейской философии был пантеизм, в частности онтология Спинозы. В отечественной мысли идеи Жакова совместимы с принципами философии всеединства Владимира Соловьева.

В космогонии зороастризма каждая вещь существует в двойном состоянии — духовном и физическом. Духовное состояние является

зародышем, потенциалом по отношению к материальному. Вторая космологическая эпоха — Гумезишн — время реализации духовно-потенциального в пространственно-временном мире. У Жакова этот процесс реализации «Первопотенциала» назван инволюцией. Третий мировой период у зороастрийцев — Визаришн — связан с разделением, обратным освобождением психического от физического. Жаков называл это качественное изменение эволюцией, освобождением от оболочек [4, с. 189].

В древнеиндийской философии брахманизма мировая субстанция, жаковское Первовозможное, именовалась кратким и неопределенным «То»:

«Обоих богов, Небо и Землю, а также пространство меж ними и стороны (света) чистое То объемлет. Из него, от (четырёх) сторон света вытекают реки, от него произошло Великое Море. Сущее, вечное То прозревают йогины» [5, с. 181].

Обращение к философии Лао-цзы позволяет выявить очевидное сходство его категорий *дао* и *дэ* с основополагающими понятиями лимитизма — «Первовозможный» и «Первопотенциал». Как и даосы, Жаков использовал для идентификации Первовозможного негативные определения. В «Дао дэ цзин» читаем: «Содержание великого *дэ* подчиняется только *дао*. *Дао* бестелесно. *Дао* туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью» [2, с. 121]. В «Лимитизме» написано: «Первовозможный есть для нас Первовозможный, а не для Себя. Он также тайна для нас; и что есть в нем, мы не знаем. Мы знаем только отношение Его к миру. Он необычно богат возможностями. Бесконечное количество возможностей есть действительность. Бесконечное количество содержания Первовозможного превращается в всемогущего — Первопотенциал» [4, с. 159].

Для неоплатоника Плотина мир — воплощение вечного творения, исходящего из невыразимого Единого. В зависимости от удаленности от Единого бытие организовано по различным ступе-

ням существования и порядка. Излучение Единого исчезает в материи — небытии. Августин Блаженный соединил неоплатонизм с христианством, утверждая, что Единое и есть Бог, это одно и то же. Анализ рассуждений Жакова показывает, что идеи раннего христианства составляли эпистему его творчества, не всегда явно осознаваемую им парадигму, предпосылочную концепцию. Это проявляется в его онтологии, гносеологии, философии истории и антропологии. Особенное значение такой строй мыслей, раннехристианская эпистема имели для аксиологии лимитизма. Исходя из нее, Жаков определял высшие человеческие ценности: «Цель лимитистов — подниматься в жизни земной на высшие категории, а после смерти тела — на высшие планы бытия. Цель же космическая — приближаться к Отцу, Богу — Первопричине. Бог зовет нас к себе, но не в единственном числе, а вместе с другими, это истина и для жизни земной и для жизни космической» [4, с. 187].

В своих размышлениях коми мыслитель исходил из содержания представлений о диалектическом взаимодействии единичного, общего и особенного. Религия, философия, наука имеют общие, особенные и единичные характеристики. Рассуждая об их единстве, мы обращаем внимание на общее. Говоря о различиях, имеем в виду особенное и единичное. Думается, идея духовного интегратизма в философии Жакова не была призывом вернуться к древнему возвышенному синкретизму. Она обусловлена влиянием фундаментальной идеи, концепта мировоззрения Жакова — принципа мирового единства. В конечном счете, все едино, все существующее — проявление невидимой, но умопостигаемой основы — Единого Первовозможного.

* * *

1. Аринин Е. И. Психология религии : учеб. пособие для студентов специальности «Религиоведение». Владимир: Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005.

2. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия : в 2 т. М.: ПринТ, 1994. Т. 1. С. 114—138.

3. Дидро Д. Прибавление к «Философским мыслям», или Разные возражения против сочинений различных богословов // Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 266—275.

4. Жаков К. Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. Рига, 1929.

5. Махабхарата. Эпизоды из книг III, V / пер. с санскр., введ., примеч. и толковый слов. Б. Л. Смирнова. Ашхабад: Ылым, 1985.

6. Рассел Б. Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию? // Б. Рассел. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. С. 414—429.

7. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения : В 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 19—593.

8. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 94—142.

9. Фромм Э. Психоанализ и религия // Там же. С. 143—221.

10. Livingston, James C. Anatomy of the Sacred. An Introduction to Religion / James C. Livingston. Second edition. N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1993.